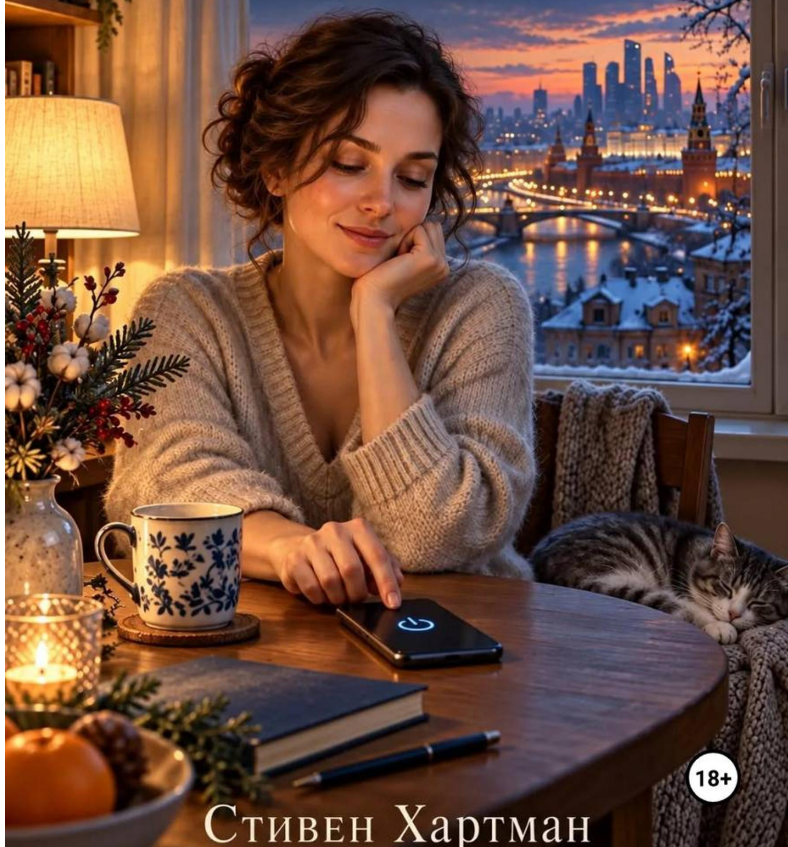

После шести

18+

Стивен Хартман

Стивен Хартман

После шести

<https://litres.ru/74492883>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марина умеет решать чужие проблемы. Свою жизнь она отложила на потом.

Она — идеальный администратор клиники, заботливая дочь и незаменимая сестра. Кажется, что без неё всё рухнет.

Но однажды привычный мир даёт трещину, оставляя Марину наедине с остывшим супом и вопросом: а что, если она не нужна никому, кроме самой себя?

Это история о «выгорании спасателя», о том, как трудно отпустить контроль и позволить близким ошибаться. О том, как научиться говорить «нет» и не чувствовать вину. И о том, что иногда чужая жизнь налаживается именно тогда, когда ты перестаёшь её чинить.

Роман «После шести» читателю, который устал быть сильным за всех. Читателю, который хочет научиться жить свою жизнь, а не чужую.

Содержание

Глава 1. До закрытия	4
ГЛАВА 2. Три звонка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

После шести

Глава 1. До закрытия

Ввосемнадцать ноль семь Марина обнаружила в кассе лишние пятьсот рублей.

Она пересчитала купюры ещё раз, расправляя загнутые углы. От денег пахло чужими руками и немного — резиной: весь день они лежали в ящике под тугой чёрной лентой. На экране сумма не менялась. Пятьсот рублей оставались лишними, и это было хуже недостачи. При недостаче можно было хотя бы вспомнить, кому неверно дала сдачу. Здесь выходило, что она взяла чужое и спокойно проводила человека к дверям.

За стеклянной перегородкой уборщица Вера Семёновна двигала стулья. Их металлические ножки коротко вскрикивали на плитке.

— Под вами можно?

— Сейчас. Минутку.

Марина подтянула к себе журнал. Последние записи она делала уже стоя: в половине шестого пришли одновременно мужчина за результатами анализов, женщина с дочерью и курьер с коробкой перчаток. Девочка плакала, потому что думала, что кровь будут брать опять. Мужчина требовал объяснить, почему результаты отправили жене, хотя адрес жены

он сам указал в анкете. Курьер держал коробку на колене и просил побыстрее.

В журнале возле фамилии девочки расплылось синее пятно.

Телефон завибрировал на стойке, сдвинулся к краю.

— Да, пап.

— Ты ещё на работе?

— Уже заканчиваю.

Она прижала трубку плечом и открыла следующую запись.

— Я тебе только сказать. Из поликлиники звонили. Во вторник теперь не к одиннадцати, а к половине десятого.

— Почему?

— Врач раньше уходит.

— К какому врачу?

— Марин, к тому же. К кардиологу.

— Подожди, я запишу.

Ручка не писала. Она провела остриём по краю старого чека, потом ещё раз, сильнее.

— Ты ничего не записывай, у меня всё есть, — сказал отец. — Я на календаре отметил.

— Во вторник, девять тридцать. Кабинет прежний?

— Не спросил.

Марина перестала водить ручкой.

— Пап, ну как не спросил? Ты приедешь, а там другое крыло.

— Узнаю на месте.

На заднем плане звякнула крышка кастрюли. После больницы отец начал готовить себе ужин с какой-то нарочитой обстоятельностью. Даже картошку чистил сидя за столом, над расстеленной газетой, но стоило ей приехать — вставал и переносил всё к мойке.

— Ты ел?

— Вот собираюсь.

— Что?

— Еду, Марина.

Он сказал это без раздражения, даже с усмешкой. Она всё равно почувствовала, как напряглась шея.

— Я не просто так спрашиваю.

— Знаю. У тебя там люди, наверное. Заканчивай.

— Я уточню кабинет и перезвоню.

— Не надо никуда звонить. Там на первом этаже спрошу.

Связь оборвалась. На чёрном экране осталось отражение её щеки, приплюснутой к телефону.

Марина положила рядом с клавиатурой листок: «Папа. Вт. 9.30. Кабинет». Подчеркнула последнее слово. Теперь вторник надо было перестроить. С утра она собиралась забрать заказ в пункте выдачи, потом заехать к отцу, отвезти его и успеть в клинику к часу. Если приём раньше, можно было попасть на работу без спешки, но пришлось бы выехать в самый плотный поток. Лучше заказать машину. Хотя в машине его укачивало, если водитель резко тормозил.

Вера Семёновна стояла перед стойкой, опираясь на швабру.

— Так я потом под вами?

— Да, простите. Я быстро.

Уборщица кивнула с привычным недоверием.

Клиника работала до восьми, но смена Марины заканчивалась в шесть. Вторая администратор, Лена, сидела в дальнем конце стойки и объясняла по телефону, что подготовка к исследованию обязательна, даже если пациент всегда завтракает плотно.

— Нет, чай с сахаром тоже нельзя, — сказала она, прикрыв глаза.

Марина вернулась к пятистам рублям.

Утром пожилая женщина расплатилась за приём наличными. Потом был молодой человек с десяти тысячной пачкой мелких купюр — он пересчитывал их прямо на стойке, смачивая палец. Потом та самая девочка. Марина открыла её карточку, посмотрела оплаченные услуги и наконец вспомнила: мать дала две тысячи, а сдачу она отложила рядом с принтером. В этот момент девочка начала снимать пластырь со сгиба локтя, увидела точку крови и закричала.

Марина заглянула под принтер. Там лежала только скрепка.

Значит, деньги она убрала обратно.

Она нашла номер и позвонила.

Женщина ответила не сразу. В трубке шуршали пакеты.

— Добрый вечер. Это из клиники, администратор Марина. Вы сегодня были у нас с дочерью. Мне кажется, я не отдала вам сдачу, пятьсот рублей.

— Правда? — Женщина помолчала. — Господи, а я ещё в магазине подумала, куда дела. Решила, в карман сунула.

— Простите, пожалуйста. Я отложу их в конверт. Сможете зайти?

— Мы завтра мимо пойдём, после школы.

Марина записала фамилию на конверте, вложила купюру и только тогда выдохнула. Всё стало на место. Небольшое, стыдное происшествие получило размер, имя и способ исправления.

— Лен, завтра придут за сдачей. Я в журнале оставляю.

Та подняла большой палец, всё ещё слушая человека, который искал разрешённый завтрак.

На телефон пришло сообщение от Кирилла: «Ты можешь договор посмотреть? Там на две минуты».

Следом — шесть фотографий.

На первой стол был в резкости, текст — нет. На второй край страницы закрывал его палец. Марина увеличила снимок и прочла: «Срок выполнения работ...»

«Пришли документом», — написала она.

«У меня только бумага».

«Тогда ровно сними при хорошем свете».

«Я уже ушёл от них».

Она посмотрела на часы. Восемнадцать двадцать шесть.

«Что именно смущает?»

Брат сразу позвонил.

— Да вроде ничего не смущает. Просто ты лучше видишь эти штуки.

— Какие штуки?

— Ну, где могут нагреть.

Марина выдвинула ящик, достала зарядное устройство. Телефон показывал двенадцать процентов.

— Я не юрист, Кирилл.

— Я знаю. Мне не экспертиза нужна. Ты просто глазами пробеги.

Он произнёс это легко, на ходу. Судя по звуку, переходил дорогу: рядом взревел двигатель, кто-то коротко посигналил.

— Ты подписал уже?

— Нет.

— Хорошо. Не подписывай пока.

— Там сегодня надо ответить.

— До скольких?

— Ну, я сказал, вечером.

Марина воткнула зарядное устройство в розетку под столом. Шнур зацепился за ручку сумки, и сумка съехала набок. Из открытого кармана выпали ключи — её и отцовские, на отдельном кольце с маленьким фонариком.

— Пришли хотя бы последнюю страницу нормально, — сказала она, поднимая их. — И ту, где про оплату.

— Спасибо, Мариш.

Он уже собирался отключиться, но она успела спросить:

— Ты с ними раньше работал?

— Один раз.

— И как заплатили?

— Нормально. Только поздно немного.

— Насколько поздно?

— Недели на три. Но всё отдали.

Она закрыла глаза и потёрла переносицу.

— Пришли страницы.

Возле стойки остановилась начальница, Елена Викторовна. Пальто она уже надела, но пояс ещё не завязала; концы свисали почти до колен. В одной руке был прозрачный контейнер с нетронутым обедом, в другой — телефон.

— Марин, хорошо, что ты здесь.

Марина отложила трубку экраном вниз.

— Что случилось?

— Пока ничего. На завтра вечером человека нет. Лена до четырёх, у неё ребёнка некому забрать. Я думала, Олег выйдет, но у него по графику с утра. Ты не можешь до восьми остаться?

Завтра Марина работала с восьми.

Она посмотрела на бумажку про отца, хотя приём был только во вторник. Потом на конверт, который ещё надо было убрать в сейф, и на сумку под столом.

Завтра вечером она собиралась домой. Просто домой: вы-

мыть голову, поставить стирку, съесть что-нибудь не над раковиной. Назвать это планами вслух было неловко.

— Могу, — сказала она. — Только я тогда днём на полчаса отойду.

— Конечно. Вы тут между собой решите.

Елена Викторовна улыбнулась устало и с облегчением.

— Спасибо тебе. А то я уже сижу и не понимаю, кого дёргать.

— Я останусь.

— И ещё: Соколовой звонили насчёт результатов?

— Сейчас проверю.

— Посмотри, пожалуйста. Она мне на личный написала, говорит, никто ничего не сообщил.

Начальница ушла, на ходу затягивая пояс. Автоматическая дверь выпустила её в мокрую темноту, и на несколько секунд до стойки дотянулся холод с улицы.

Лена закончила разговор.

— Ты чего согласилась? У тебя же завтра двенадцать часов получается.

— А кому ещё?

— Не знаю.

В этом «не знаю» не было ни вызова, ни равнодушия. Лена действительно не знала и, судя по тому, как спокойно взяла следующую карточку, могла с этим жить.

Марина убрала конверт в сейф и проверила журнал звонков. Соколовой звонили в пятнадцать сорок, та не ответила.

Потом отправили сообщение. Можно было написать об этом Елене Викторовне и уйти, но пациентка всё равно ждала.

Со второго раза женщина взяла трубку.

— Наконец-то.

Марина извинилась, хотя утреннее обещание прислать результаты до вечера клиника ещё не нарушила. Проверила адрес, продиктовала время работы врача, объяснила, что сама толковать показатели не может. Женщина прочитала ей три строчки из заключения.

— Это плохо?

— Врач посмотрит всё вместе и объяснит. Я могу записать вас на консультацию.

— А вы не можете у него сейчас спросить?

Марина посмотрела в коридор. У кабинета врача горела лампа: шёл приём.

— Сейчас он с пациентом. Я оставлю ему вашу просьбу перезвонить.

— Только не забудьте.

— Не забуду.

Она записала ещё одну фамилию.

К семи у неё пересохло во рту. В кружке за монитором оставался чай, покрытый тонкой радужной плёнкой. Марина сделала глоток и отставила его: холодный, горький. Утром она положила туда лимон, теперь от ломтика пахло мокрой кожей.

Из кабинета вышел Олег с папкой. Он остановился возле

принтера, забрал несколько листов.

— Ты ещё не ушла?

— Кассу закрывала.

Он посмотрел на убранный кассовый ящик, потом на её телефон, где светилась фотография договора.

— Ясно.

— Брат прислал. Там непонятно с оплатой.

— Он чем занимается?

— Делает мебель на заказ. Сейчас берёт работу для небольшой гостиницы.

— Так пусть у них и спросит, когда заплатят.

— Он спросит. Ему скажут: потом. А в договоре вообще написано, что после подписания акта. И сколько они этот акт могут не подписывать — ни слова.

Олег пожал плечами.

— Пусть добавят срок.

— Я ему так и напишу.

Она почему-то произнесла это чуть резче, чем хотела. Будто он поймал её за ненужным занятием, хотя занятие было нужным: брат три недели ждал денег, занимал до оплаты, потом отдавал частями. Можно было сейчас потратить десять минут и не повторять всё сначала.

Олег ушёл в кабинет. Марина переслала Кириллу замечание, попросила проверить размеры и перечень материалов. На последней странице сумма отличалась от той, которую он называл ей вчера.

«Это без доставки», — ответил брат.

«А доставка где?»

Несколько секунд над строкой появлялось и исчезало сообщение о наборе текста.

«Блин. Точно».

Она придвинулась к телефону.

Вот поэтому и надо было посмотреть.

В половине восьмого клиника стихла. Последний пациент сидел у кабинета, положив ладони на ручку трости. Вера Семёновна прошла по коридору с жёлтым ведром; вода внутри плескалась уже не прозрачно, а серо, с отдельными островками пены. Где-то за стеной работал пылесос.

Марина наконец встала, и колено болезненно распрямилось. Она взяла со стойки два забытых направления, отнесла их в кабинет забора крови, оставила врачу записку с номером Соколовой. Вернувшись, обнаружила сообщение от отца: фотография календаря. Вторник был обведён неровным овалом, рядом крупно написано время приёма.

Под снимком стояло: «Всё записано».

Она увеличила фотографию. На краю стола, попавшем в кадр, лежал раскрытый пакет с сушками. Марина начала печатать: «Ты одними сушками ужинаешь?» — и стёрла. Возможно, он ел их после ужина. Лучше спросить по телефону.

Но сначала надо было уточнить кабинет.

Поликлиника уже не отвечала. Записанный голос перечислял часы работы, потом предлагал дожидаться сотрудни-

ка, потом снова перечислял часы. Марина прослушала два круга и отключилась.

На листке она дописала: «Позвонить утром».

— Иди уже, — сказала Лена. — Тут один остался.

— Если Соколова перезвонит...

— Врач видел записку. Я помню.

— И сдача в сейфе, в конверте.

— Ты сказала.

Марина надела пальто. Шарф застрял в рукаве, пришлось вытаскивать. Она собрала листочки, проверила, взяла ли за-рядное устройство, провела рукой по столу: телефон, про-пуск, ключи. Чужое расписание лежало в сумке рядом с её вещами и занимало совсем немного места.

У выхода она задержалась.

— Лен, а завтра кто в процедурном с утра?

— Ирина.

— Она знает, что поставка не вся пришла?

Лена молча посмотрела на неё.

— Всё, ухожу.

На улице моросило. Над парковкой горел фонарь, и в его свете дождь казался мелкой металлической пылью. Марина дошла до остановки, встала под край навеса. Пальцы зябли, но убирать телефон было рано: Кирилл прислал новый снимок.

«Так нормально?»

Она прочла исправленный пункт. Теперь оплату обещали

в течение пяти рабочих дней после приёмки. Про срок самой приёмки по-прежнему ничего не было.

Автобус подошёл почти пустой. Пока Марина дописывала ответ, двери закрылись. Она подняла голову, сделала шаг к краю тротуара, но водитель уже смотрел вперёд.

До следующего оставалось семнадцать минут.

Марина вернулась под навес и позвонила отцу.

— Кабинет утром узнаю, сейчас не берут.

— Я же просил не звонить.

— Мне нетрудно.

Он вздохнул. Слышно было, как уменьшилась громкость телевизора.

— Ты дома?

— Почти.

— Поешь нормально. Не бутерброд свой.

Она улыбнулась, глядя на воду, которая собиралась в продавленном углу навеса.

— Ладно.

Отец сообщил, что сварил суп. Ещё сам сходил за хлебом — до магазина и обратно, не торопясь. Марина хотела спросить, зачем он вышел в такую погоду, но он уже рассказывал о продавщице, которая отложила для него свежий батон. Голос был довольный. Она выслушала, попросила положить телефон на зарядку и попрощалась.

Пришло сообщение от Кирилла: «Отправил им. Спасибо. Чуть доставку не подарил».

Следом написала Елена Викторовна: «Завтра на тебя рассчитываю».

Марина ответила обоим коротким сообщениям, проверила время следующего автобуса и только после этого убрала руки в карманы. В животе неприятно тянуло от голода.

Пятьсот рублей нашлись. Брат заметил недостающую сумму до подписи. Завтрашний вечер в клинике был закрыт человеком, а не пустой клеткой в расписании. Отец поел и знал, когда идти на приём. Оставался кабинет, но это уже утром.

Под навесом стояла женщина с букетом хризантем. Она бережно стряхивала капли с упаковки; внутри сухой бумаги желтели тугие цветочные середины. Марина подумала, что дома надо сразу поставить чайник. Пока вода греется, можно проверить, хватит ли отцу таблеток до вторника.

Телефон коротко дрогнул в кармане.

ГЛАВА 2. Три звонка

Марина достала его раньше, чем успела согреться.

На экране высветилось: «Папа».

— Да?

— Ты уже встала?

За окном серело. Ночь не ушла, только отступила к крышам и дворам, оставив на стекле мутные разводы. Марина лежала, подтянув одеяло к подбородку. Будильник должен был прозвонить через двадцать минут.

— Уже, — сказала она, хотя это было неправдой.

— Я хотел спросить про кабинет. Ты вчера говорила, что узнаешь.

— Сейчас посмотрю.

Она села, нащупала ногами тапочки. В комнате было холодно: батарея едва тёплая, подоконник отдавал сыростью.

— Только не надо никуда звонить, — предупредил отец.

— Я сам на месте спрошу.

— Пап, если можно узнать заранее, почему бы не узнать?

— Потому что ты опять начнёшь перестраивать весь день.

Марина включила свет. Лампочка мигнула, и на секунду лицо отца в памяти стало таким, каким она видела его после больницы: серым, осунувшимся, с прозрачными руками поверх одеяла.

— Я не буду ничего перестраивать, — сказала она.

В этот момент на экране появилось второе уведомление. Кирилл.

Звонок отца продолжал идти через телефон, а брат уже оставлял голосовое сообщение.

— Подожди, Кирилл звонит.

— Не бери, — сказал отец. — Мы разговариваем.

— Я только узнаю, что ему нужно.

— Марина.

Она нажала на вызов брата.

— Да, Кирилл.

— Ты отцу звонишь?

— Он мне позвонил. Что случилось?

— Я не звонил, я сообщение отправил. Слушай, они договор посмотрели. Говорят, срок приёмки всем понятен и отдельно писать не будут. Мне сегодня к ним ехать или нет?

Марина прикрыла ладонью другой телефон, хотя отец находился за сотни километров и всё равно слышал только обрывки.

— А ты сам как считаешь?

— Я тебя поэтому и спрашиваю.

— Пришли, что они ответили.

— Я переслал ночью.

— У меня пока нет...

На дисплее возник третий звонок. Елена Викторовна.

Марина почувствовала, как внутри всё быстро и привычно сжалось: три голоса, три просьбы, три дела, которые нель-

зя было оставить без ответа.

— Кирилл, я перезвоню через минуту.

— Только не через твою минуту, а через настоящую. Мне в девять надо выходить.

— Хорошо.

Она приняла вызов начальницы.

— Марина, доброе утро. Ты помнишь, что сегодня с восьми?

— Помню.

— Лена сможет только до трёх, не до четырёх. Я перепутала. Значит, тебе одной до восьми, если Олег не согласится выйти раньше.

— Я буду.

— Ты уже едешь?

Марина посмотрела на часы. Без четверти семь. До клиники добираться сорок минут, если автобус не встанет на перекрёстке у рынка.

— Да.

— Хорошо. И ещё: привезли новые бланки, их нужно разложить по кабинетам. Не срочно, но до обеда желательно.

— Сделаю.

Отец всё ещё оставался на линии. Кирилл тоже, судя по маленькой мигающей отметке, никуда не делся.

— Марин, ты меня слышишь? — спросила Елена Викторовна.

— Да, слышу. Я буду вовремя.

— Отлично. Тогда до встречи.

Марина отключилась и сразу вернулась к отцу.

— Пап, ты здесь?

— Здесь.

Голос у него изменился. В нём появилась усталость, которую он старался спрятать за сухостью.

— Я только хотела узнать номер кабинета.

— Не надо.

— Хорошо. Я не буду.

— И ко мне сегодня не приезжай.

Марина молчала.

— Я серьёзно, — продолжил отец. — У тебя работа. Приедешь во вторник, если захочешь.

— Я и собиралась во вторник.

— Вот и приезжай во вторник. Не надо сегодня проверять, есть ли у меня хлеб, лекарства и голова на плечах.

— Я не проверяю.

— Проверяешь.

Он сказал это спокойно, без упрёка. От спокойствия стало хуже.

— Я просто могу заехать, — произнесла она. — Мне всё равно по пути.

— Тебе никогда ничего не бывает по пути. Ты делаешь крюк, потом говоришь, что это несложно.

Марина посмотрела на кухонный стол. На нём лежали ключи, кошелёк и список, который она составила ещё вчера:

забрать заказ, заехать к отцу, уточнить кабинет, проверить лекарства, потом в клинику. Внизу, под всеми пунктами, она приписала: «не забыть поесть».

— Я перезвоню, — сказала она.

— Не надо.

— Папа...

— Марина, я сам доеду до врача. А кабинет найду. Ты не обязана сопровождать меня до каждой двери.

Он отключился.

Несколько секунд она держала телефон у уха. Потом услышала в другом вызове дыхание Кирилла.

— Ты ещё тут?

— Тут. Что отец?

— Ничего.

— Поссорились?

— Нет.

— По голосу похоже.

— Что с договором?

— Они говорят, что всё нормально. Я тебе переслал.

Марина открыла переписку. Ночью гостиница прислала ответ: «Сроки обсуждаются по факту готовности». Ниже стояла подпись управляющего. Фраза была короткой и расплывчатой, как пятно на бумаге.

— Это не ответ, — сказала она.

— Я тоже так думаю.

— Скажи им, что нужен точный срок.

— Я скажу.

— И про доставку не забудь.

— Не забуду.

— И материалы пусть перечислят отдельно, с количеством.

На том конце повисла пауза.

— Марин, я уже всё отправил вчера. Они меня ждут через час.

— Тогда возьми с собой распечатку.

— У меня нет принтера.

— Я могу распечатать на работе.

— Не надо. Я сам в копировальном центре.

— Там могут неправильно...

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.